

А. Г. Тепляков

СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ И РАЗВЕДЧИКИ НА РАНДЕВУ С ЗАГРАНИЦЕЙ, 1945–1953 гг.

Мир советских колоний за рубежом, инфильтрованных агентурой спецслужб, – малоизвестная тема, в особенности применительно к гораздо хуже фундированному открытыми источниками послевоенному периоду. Здесь можно отметить вклад Н. В. Петрова, рассмотревшего огромную роль чекистов в советизации подконтрольных европейских стран¹. После 1945 г. численность дипломатических и специальных работников за границей значительно увеличилась, однако качество отправляемого персонала по-прежнему являлось огромной проблемой, сказывавшейся и на политической лояльности, и служебной эффективности. Изучение заграничной части советской номенклатуры на основе сплошного просмотра архива Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б)–КПСС позволяет не только наблюдать интенсивное проникновение сотрудников спецслужб в представительства СССР за рубежом, но также увидеть широкий спектр претензий власти к укрывавшимся под дипломатической личиной разведчикам и контрразведчикам.

Среди апелляционных дел в фонде КПК при ЦК ВКП(б)–КПСС (РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2, 3) второй половины 1940 – первой половины 1950-х гг. много тех, которые касались проступков номенклатурных лиц. Немалая часть наказанных в партийном отношении заграничных работников была осуждена по разнообразным статьям Уголовного кодекса. Часть получила уголовное наказание за «антисоветскую деятельность», часть – за служебные преступления, часть – отозвана по причинам политическим и бытовым.

Плотная слежка МГБ за разведчиками и дипломатами приводила к частым случаям осуждения их по ст. 58 УК. Так, второй секретарь посольства СССР в Турции азербайджанец К. Гасанов в декабре 1947 г. был арестован МГБ за то, что «способствовал своей жене, про-

живавшей с ним в г. Анкаре, в измене родине», и осужден на 10 лет ИТЛ². В 1950 г. была проведена чистка разведчиков в Иране. Бывший сотрудник ОГПУ Н. Н. Денисов, консул в Ширазе и советник посольства СССР в Иране, в апреле 1950 г. был арестован и осужден за АСА на 10 лет ИТЛ по показаниям коллег (вице-консула, военного атташе), обвинявших его в антисоветской клевете и восхвалении порядков и условий жизни в Англии и США. Но передопрошенные в 1954 г. эти же свидетели по делу заявили, что со стороны Денисова антисоветских разговоров не было³. Выпускник, преподаватель и секретарь парткома Московского ИФЛИ Д. С. Комиссаров с февраля 1949 г. находился «в спецкомандировке» 1-м секретарем посольства СССР в Иране, где «не оправдал... доверия и в 1950 г. был отозван» и арестован МГБ по обвинению в измене родине. Его жена, Юлия Панышева, была арестована 7 апреля 1950 г. по обвинению в передаче иностранцам секретных сведений, но осуждена в марте 1952 г. на срок предварительного заключения, что говорило о крайней шаткости обвинения даже по меркам сталинской эпохи⁴.

Из-за холодной войны с союзниками надолго оказался в тюрьме военный разведчик М. И. Костринский – замначальника отдела внешних сношений Наркомата ВМФ СССР. Его арестовали в январе 1948 г. по обвинению в преступной связи с английскими разведчиками в бытность работы в Великобритании в 1936–1939 гг. секретарем советского военно-морского атташе, а также в том, что, работая в 1942–1946 гг. в отделе внешних сношений НК ВМФ, систематически сообщал американцам и англичанам секретные сведения, и осудили на 25 лет заключения. В годы войны Костринский действительно передал союзникам более 1000 гидрографических карт Белого, Северного, Балтийского и Черного морей, поскольку англо-американские корабли часто базировались на советских морских базах, но к 1948 г. это уже стало составом преступления. Реабилитировали офицера только в августе 1954 г. и вскоре восстановили в партии⁵.

В. Н. Храмельшвили, выпускник Тбилисского института иностранных языков, знавший английский, немецкий и французский, в 1941–1942 гг. находился на оперативной работе в НКВД Дагестана, с 1944 г. был помощником министра иностранных дел Грузии. С ноября 1947 г. он работал сначала вторым, а затем первым секретарем посольства СССР в Великобритании и «был привлеченным сотрудником лондонской резидентуры Комитета информации». В ноябре

² РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1594. Л. 97.

³ Там же. Д. 1824. Л. 44; Оп. 3. Д. 467. Л. 207–212.

⁴ Там же. Оп. 2. Д. 1819. Л. 72; Оп. 3. Д. 490. Л. 37.

⁵ Там же. Оп. 3. Д. 559. Л. 12–16.

¹ Петров Н. В. По сценарию Сталина. Роль органов НКВД–МГБ СССР в советизации стран Центральной и Восточной Европы. 1945–1953 гг. М., 2011.

1951 г. Храмелашвили отозвали в СССР и 10 декабря арестовали по подозрению в измене. Вины он не признал, а доказательств измены следствием добыто не было, в связи с чем 30 марта 1953 г. разведчик был реабилитирован. Л. П. Берия зачислил его в резерв назначения 2-го Главного управления МВД СССР на должность помощника начальника сектора. В июне 1953 г. Храмелашвили вызывался к Берии, которому затем написал благодарственное письмо с выражением желаний работать в области дипломатии и разведки: «Для меня не может быть большей чести, чем Ваше доверие. Эту честь я буду беречь больше своей жизни». После этого письма Храмелашвили был снова вызван к Берии и назначен старшим инспектором контрольной инспекции при министре МВД СССР с предоставлением квартиры в Москве. Но уже через месяц после ареста Берии его уволили из МВД. Храмелашвили характеризовался как хорошо подготовленный дипломат со значительными связями в журналистских, политических и дипломатических кругах Лондона, но факт контактов с Берией привел к тому, что 29 октября 1954 г. КПК постановил отложить рассмотрение его апелляции на исключение из КПСС после ареста⁶. Впоследствии Храмелашвили работал в системе Академии наук СССР.

Дело военного атташе в Финляндии С. Ф. Токарева, арестованного в мае 1950 г., включало обвинения в преступной связи с иностранцами, антисоветской агитации, служебных злоупотреблениях и халатном отношении к хранению секретных документов. Генерал скупал в Финляндии и отправлял в Ленинград жене — через офицеров разведотдела Ленинградского военного округа — меха, шубы, отрезы, продовольствие. Но поводом к аресту генерала послужили не эти обыденные для номенклатуры излишества, а то, что в начале 1950 г. Токарев, живший в хельсинкской гостинице, получил агентурное донесение и забыл его в номере. Минут через 15–20 генерал за ним вернулся. О своем проступке он не сообщил в ГРУ, мотивируя незначительностью происшествия (донесение было в конверте и зашифровано) и боязнью быть привлеченным к ответственности. Однако о крайне недолгой генеральской рассеянности узнали органы МГБ, державшие под колпаком и главу резидентуры военной разведки. В итоге Токарев получил 7 лет заключения за злоупотребление служебным положением⁷.

Военный атташе в Канаде полковник Н. И. Заботин был осужден на 10 лет за то, что задержал откомандирование шифровальщика С. Гузенко, который 6 сентября 1945 г., «выкрад три агентурных дела

секретных сотрудников и 25 совершенно секретных документов, вместе с женой и ребенком перешел к канадским властям». Этот эпизод давно известен исследователям⁸, но интересно, что Заботина амнистировали и 29 января 1954 г. вернули в армию, отказав при этом в восстановлении в рядах КПСС⁹.

Бытовые излишества не всегда ставили крест на карьере. Работник НКВД Ф. Д. Садыков в 1946–1947 гг. находился в Иране «по спецзаданию» и за счет оперативных средств нанял себе пятикомнатную квартиру, двух домработниц и слугу, выпивал, уничтожил часть оперативных документов и даже «отказался от встречи с работником, специально приехавшим из СССР... по его делам». В итоге Садыков был отозван, переведен в резерв МГБ СССР и в марте 1948 г. исключен в КПК из партии, после чего работал в горной отрасли Азербайджанской ССР. Известный своим активным участием в Большом терроре В. А. Боярский, являясь советником МГБ СССР в Чехословакии с июля 1950 по ноябрь 1951 г., допускал излишества в расходовании средств на бытовое обслуживание себя и своего аппарата, за что был переведен на службу в МГБ Литвы и в феврале 1952 г. в КПК получил выговор, снятый менее чем через полтора года¹⁰.

Часть обвинений в недостойном поведении носила смешанный характер. Так, сотрудник МГБ СССР Я. Л. Хайкин, работавший в 1946 г. в Маньчжурии под «крышей» начальника общего отдела Мукденского отделения Китайско-Чаньчунской железной дороги, не выполнил своего спецзадания; напротив, вместе с руководством отделения дороги он присваивал крупные суммы государственных средств, пьянствовал, сожительствовал с японками и т. д. Мало того, что Хайкин обменял 300 американских долларов на 19 тыс. рублей, так на таможене у него и матери было изъято 25 тыс. рублей, зашитых в белье и брюках, а также альбом с вырезками из белоэмигрантских газет, где были и «карикатуры на руководителей нашей партии». За все эти грехи в августе 1947 г. чекист был исключен из партии¹¹.

Недопустимым являлось и участие в религиозных обрядах. Иосиф Сергеевич Петров, коммунист с 1944 г., в феврале 1946 г. был направлен МГБ СССР в Сынцзян под «крышей» начальника связи авиакомпания «Хамиата». Вместе с ним выехали в Китай жена и дочь; в пути дочь умерла и была похоронена в Алма-Ате с приглашением священника. За этот проступок Петров уже в мае был отозван

⁶ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 3. Д. 534. Л. 192–193.

⁷ Там же. Д. 431. Л. 21–30.

⁸ См.: Алексеев М. А., Колпакиди А. И., Кочик В. Я. Энциклопедия военной разведки. 1918–1945 гг. М., 2012. С. 323–324.

⁹ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1480. Л. 42; Оп. 3. Д. 351. Л. 66–69.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 1452. Л. 136, 136 об.; Оп. 3. Д. 176. Л. 182.

¹¹ Там же. Оп. 2. Д. 1281. Л. 54.

МГБ в СССР и недолгое время работал в 1-м Главном управлении МГБ СССР, откуда был уволен после исключения в июле 1946 г. «за совершение религиозного обряда»¹².

Очень часто подводила спецработников привычка пьянствовать. В 1947 г. были откомандированы на родину помощники военных атташе в Афганистане и Швеции В. А. Суворов и А. М. Таустоб, скомпрометированные пьяными скандалами, но если первый был изгнан из разведки, то Таустоб, показавший себя «хорошим и способным работником», остался в кадрах ГРУ¹³. Сотрудник Комитета информации П. И. Чернотёбов, чекист с 1919 г., в августе 1947 г. был послан на ответственную секретную работу в Китай. В Шанхае он «неудовлетворительно руководил резидентурой, вследствие чего последняя не выполняла поставленных перед нею задач. Вопреки запрещению центра, установил связи с одним из местных коммерсантов “Дачником”, подозревавшимся в связях с иностранными разведками, и пьянствовал с ним. Кроме того, пьянствовал со своими подчиненными, чем скомпрометировал себя перед всеми сотрудниками советской колонии». За это в январе 1949 г. Чернотёбов был отстранен от работы, отозван и в 1950 г. уволен на пенсию. Вину он признал, однако партком 1-го Главного управления (разведка) КГБ в письме в КПК от 4 августа 1954 г. указывал, что проступки Чернотёбова «за истекший период никакого влияния на оперативную работу управления не оказали»; в итоге строгий партийный выговор с пенсионера КГБ сняли¹⁴.

До 1956 г. СССР имел консульские отношения с ЮАС–ЮАР. Под «крышей» советского генконсульства в Южно-Африканском Союзе находилась разведывательная сеть, которая в 1949–1953 гг. возглавлялась полковником МГБ А. А. Хрипуновым, ветераном госбезопасности. В апреле 1953 г. его отозвали и вывели за штат. А вскоре сотрудники генконсульства обвинили Хрипунова в том, что он злоупотреблял спиртным, втянул в пьянство подчиненных, что разложило дисциплину в консульстве и привело к многочисленным «аморальным поступкам». Мало того, Хрипунов не только разрешил жене и сыну прокатиться на рикше, но вдобавок это постыдное зрелище не погнушался запечатлеть на фотопленку... КПК в июле 1954 г. исключил Хрипунова из партии за недостойное поведение и даже поставил вопрос о пересмотре его высокой военной пенсии¹⁵.

Заведующий консульским отделом посольства в Лондоне опытный чекист А. Веревкин летом 1952 г. был отозван на родину и ис-

ключен из КПСС за аморальное поведение, выразившееся в связях с проститутками. Любопытным товарищам из КПК Веревкин честно рассказал о вполне доступных расценках, практикуемых лондонскими жрицами свободной любви в столице Альбиона: «В Гайд-парке я платил десять шиллингов или фунт, а в комнате – от одного фунта до двух». Каясь изо всех сил, Веревкин признавался: «Мне было поручено расследовать аналогичный случай связи с женщинами легкого поведения повара посольства Егорова и истопника посольства Сальникова. Я провел это расследование и по заданию из Москвы организовал их отправку в Союз. Когда я выполнял это указание, я испытал острое чувство угрызения совести. Мне было очень и очень стыдно». Хотя Веревкин во всем признался, из МГБ его уволили¹⁶.

Некоторым чекистам советскими оккупационными властями предъявлялись претензии за излишнее рвение при арестах местного населения. Генерал М. И. Белкин, являвшийся заместителем начальника ПГУ МГБ СССР и начальником Управления контрразведки МГБ СССР Центральной группы войск (Австрия, Венгрия), в характеристике от 30 ноября 1948 г., подписанной главкомом Центральной группы войск Курасовым и его замом по политчасти Прониным, критиковался за то, что «в некоторых случаях задержания и аресты иностранцев производятся без тщательно продуманного и разработанного плана, что дает лишний повод для выступлений реакционной прессы против Советских оккупационных войск»¹⁷.

Разведчиков нередко обвиняли в провоцировании коллег, болтливости, нарушении правил провоза ценностей. Вице-консул в Познани А. М. Михайлов в 1947 г. пьяным открыл стрельбу по собаке возле здания консульства, а на дипломатическом приеме заявил одному из руководителей Познаньского воеводства: «Я вас давно знаю, я еще в 1939 г. наблюдал за Вами». Проверяющие инстанции отметили: «Это неуместное заявление насторожило поляков и поставило в неудобное положение консула». Помощник военного атташе при посольстве СССР в Польше майор Кириченко сообщал, что в разговорах с ним Михайлов критиковал советскую действительность и восхвалял высокий уровень жизни на Западе, заявлял, что голод 1946 г. – результат «якобы неправильного руководства деревней со стороны партии... старался дать понять, что имеет отношение к органам государственной безопасности». По словам Кириченко, «все эти фразы он применял скорее для “изучения” моей идеологической устойчивости...». Михайлов в 1948 г. получил выговор и, убранный с дипломатическо-

¹² РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1080. Л. 21; Д. 1101. Л. 69.

¹³ Там же. Д. 1447. Л. 84–84 об.; Д. 1267. Л. 24; Д. 1482. Л. 211.

¹⁴ Там же. Оп. 3. Д. 512. Л. 84–85.

¹⁵ Там же. Д. 467. Л. 59–62.

¹⁶ Там же. Д. 53. Л. 191–195.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 1846. Л. 56–57.

чекистской службы, затем работал в Министерстве машиностроения СССР¹⁸.

Сравнительно легко отделался военный разведчик Г. А. Варганов, работавший под видом корреспондента ТАСС в Уругвае и Аргентине. В августе 1948 г. он был исключен из ВКП(б) за невыполнение заданий руководства, нарушение конспирации и скандалы с женой: «Находясь в нетрезвом виде, имел разговор с военным атташе по оперативным вопросам в присутствии своей жены... В 1946 г., возвращаясь на автомашине с именин местного богача, Варганов сшиб одного гражданина. Собравшаяся... толпа разбила стекла автомашины, а на следующий день в ряде уругвайских газет было помещено сообщение об этом происшествии». Переведенный в резерв Министерства Вооруженных сил СССР, Варганов несколько недель спустя в КПК при ЦК ВКП(б) был восстановлен со строгим выговором¹⁹.

Карьера другого военного разведчика оказалась под вопросом из-за фирменной бдительности органов МГБ. Только что принятый в ГРУ Г. В. Подопригора с июня 1946 г. по июль 1947 г. работал в Швеции под «крышей» представителя «Интуриста». В марте 1947 г. он посетил ночной клуб, где познакомился с женщинами и после возлияний отправился к ним на квартиру, так что в гостиницу явился только к половине третьего ночи, объяснив выпивку «служебной необходимостью». Разведчики пытались вырвать своего подопечного, но отследившие его отлучку сотрудники МГБ оказались сильнее и, похоже, сделали Подопригору невыездным. Руководитель разведчика полковник Н. И. Никитушев отмечал, что Подопригора «за время работы в ГРУ, включая и зарубежную командировку... успешно выполнял поставленные задания. С иностранцами вел себя умело и с достоинством. Ему разрешалось проводить знакомства с иностранцами, организовывать встречи с ними с целью их изучения, а также посещать рестораны, кино, театры. Решив поехать с датчанками на квартиру, имел, видимо, цель выяснить их поведение и положение... действовал [здесь] неумело и неосторожно». Начальник 2-го Управления Комитета информации полковник И. И. Агаянц также указывал, что по работе в ГРУ молодой разведчик характеризовался положительно. Однако в июле 1948 г. Подопригора для острастки был в КПК исключен из ВКП(б), но уже в октябре восстановлен со строгим выговором, который был снят только в 1952 г., в бытность работы во 2-м Главном (разведывательном) управлении Генштаба²⁰.

¹⁸ РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 1374. Л. 86, 86 об.; Оп. 3. Д. 329. Л. 47.

¹⁹ Там же. Д. 1407. Л. 47.

²⁰ Там же. Д. 1407. Л. 62; Д. 1852. Л. 118.

Нельзя не видеть, что значительная часть претензий к разведчикам носила абсолютно надуманный характер и явно имела своей причиной какие-то внутренние конфликты. Видный разведчик Н. Н. Ершов учился в Массачусетском технологическом институте США в 1938–1940 гг., одновременно находясь в распоряжении резидентуры Г. Б. Овакимяна²¹. Чекисты обвиняли его в нарушении правил поведения за рубежом и нелояльности к органам НКВД: «В период пребывания за рубежом Ершов вступил в интимную связь с двумя женщинами, одна из них иностранка, а другая – работник наших специальных органов, с которой Ершов был связан по спецработе. Кроме того, Ершов стремился уйти из органов НКВД, добиваясь получения руководящего поста в советских учреждениях за границей, мотивируя это своей склонностью к крупной хозяйственной работе и наличием советского и иностранного высшего образования. В силу этого недостаточно проявлял инициативу в выполнении спецработы». Летом 1945 г. КПК утвердила строгий выговор для Ершова, к тому времени работавшего в 1-м (разведывательном) Управлении НКГБ СССР, но, несмотря на партийное взыскание, год спустя чекист был повышен до начальника 3-го отделения 3-го отдела 1-го Управления НКГБ и считался одним из лучших начальников отделений в отделе²².

С апреля 1943 по август 1947 г. вторым секретарем советской миссии на Кубе был военный разведчик П. Ф. Кузнецов (по загранпаспорту В. П. Ястребов). Вся его вина заключалась в том, что на приеме у чилийского посла он потчевал, как бармен, гостей хозяйскими спиртными напитками, вызвав их неудовольствие, а также познакомился с неким бразильским графом, который «громко проносил непристойности о женщинах». Будучи партторгом миссии, Кузнецов запустил партийную работу и не проводил собрания. Эти «свои ошибки» он объяснял в КПК тем, что «имел еще специальное задание». Однако его уволили из ГРУ, а в январе 1948 г. в КПК при ЦК ВКП(б) подполковник получил строгий выговор²³.

Таким образом, апелляционные материалы КПК при ЦК партии дают большой пласт уникальной информации о целом ряде малоизвестных бойцов невидимого фронта (внешней разведки НКГБ–МГБ, военной разведки Генштаба Советской армии и Комитета информации при Совете министров СССР), игравших существенную роль и в добыче государственных секретов, и в продвижении советской политики через различные официальные и неофициальные структуры.

²¹ Очерки истории советской внешней разведки. Т. III. 1933–1941 годы. М., 1997. С. 177.

²² РГАНИ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 942. Л. 3, 37; Д. 1055. Л. 84.

²³ Там же. Д. 1323. Л. 74; Д. 1549. Л. 75–76.

Если эффективные работники спецслужб действительно самоотверженно добывали значительные объемы информации, важной для государственных интересов, то большинство их коллег демонстрировали имитацию деятельности, занимались грубой слежкой за своими и доносами, нарушали конспирацию, злоупотребляли служебным положением и демонстрировали широкий спектр моральных девиаций. Заметная часть разведчиков стала в послевоенные годы жертвами политических репрессий. Предлагаемый материал позволяет увидеть черты коллективного портрета наиболее закрытой и элитарной части послевоенного чиновничества. Следует отметить, что негативные элементы кадровой политики (семейственность, блат, рассмотрение заграничной работы как награды за лояльность) остаются актуальными для отечественной разведки и сегодня, демонстрируя преемственность с традиционной системой кормлений.